

Болотова Виктория Андреевна

**ФАКТОР РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/1/2011/8/6.html](http://www.gramota.net/materials/1/2011/8/6.html)

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

**Альманах современной науки и образования**

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (51). С. 22-25. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/1.html](http://www.gramota.net/editions/1.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/1/2011/8/](http://www.gramota.net/materials/1/2011/8/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [almanac@gramota.net](mailto:almanac@gramota.net)

5. Пудовичкин Ю. Е., Пирвагидов С. С. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран СНГ. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 297 с.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н. И. Ветрова, Ю. И. Ляпунова. М., 1999. 415 с.
7. Уголовный кодекс РФ по состоянию на 25.04.2010 г. М.: Юрайт, 2010.
8. Фельдштейн Г. С. Природа умысла. М., 1898. 346 с.
9. Филимонов В. Д. Принцип равенства граждан перед законом в уголовном праве // Уголовное право в XXI веке. 2001. № 1. С. 11.
10. Французский уголовный кодекс 1810 года: с изменениями и дополнениями на 1 июня 1940 г. / отв. ред. М. М. Исаев; пер. Н. С. Лапшин. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947. 372 с.

УДК 316.3

Виктория Андреевна Болотова

Таганрогский государственный педагогический институт

### ФАКТОР РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ<sup>©</sup>

*Исследование, в рамках которого написана данная статья, выполнено при финансовой поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-2011) Министерства образования и науки Российской Федерации. Проект РНП 2.1.3.9223 «Методологические и логико-семантические основы исследования социального противоречия и переходных периодов развития современного российского общества». Научный руководитель проекта - доктор философских наук, профессор В. В. Попов.*

Характерной чертой неклассического подхода выступает постулирование самостоятельности социальных механизмов по отношению к сознанию, то есть его объективного характера. При этом на первое место выходит такая категория как категория превращенной формы.

То есть превращенная форма существует независимо от сознательных установок и потенциальных мотивов познающего субъекта. Присутствие превращенных форм в общественной системе дает возможность каждому субъекту социальной системы, с определенной степенью рациональности, существовать в этой системе, даже не предавая значения механизму и ее устройству.

Что же касается классического подхода, то этот факт выступает характеристикой рациональности не только поведения индивидов, но и системы в целом. Но при этом для неклассического рационализма, который сочетает теоретические и практические аспекты, факт является характеристикой стабильного функционирования системы.

Поэтому, в соответствии с неклассическим подходом, на место абсолютного субъекта социума ставится такая совокупность субъектов, которые не могут иметь единого понятия об этой системе и для этой цели должны конструировать соответствующее множества ее моделей.

Иными словами, возможность субъекта действовать в системе отличается от возможности, так называемой, внешней оценки, которая будет определять всю структуру системы.

Так, например, организация труда в рамках конкретного предприятия может быть предельно ясна для самого субъекта. Однако не следует забывать о существовании естественной границы подобной ясности, которая связывается с деятельностью других субъектом, использующих совершенно другие критерии.

Когда речь заходит о социальной рациональности, то нельзя обойти вниманием систему Вебера. Он выделяет четыре основных вида социального действия: ценностно-рациональное, целерациональное, эффективное, традиционное. Относительно рациональным является ценностно-рациональное действие, которое кроме целевых установок имеет чисто символическое значение. С точки зрения Вебера, абсолютно рациональным может быть только целерациональное действие, которое можно разделить на некоторые части. С другой стороны, деление Вебером рациональности предполагает выделение материального и формального вида. Принятие материальной рациональности связывается с тем, что цель выделяется в соответствии с системой внешних ценностей, то есть цель становится в подчинение ценности.

Направивается вывод о том, что материальный рационализм всегда ограничен внешними факторами. При условии, когда все внешние ценности подвергнуты рациональной обработке, тогда и достигается переход к абсолютной рациональности. То есть в этом случае, рациональность становится самой целью. Так, по мнению В. Поруса, происходит исчезновение связи цели и ценности, при этом материальная рациональность преобразуется в формальную.

Причина подобного явления заключается в том, что цель получает такую характеристику как мера, то есть формальная рациональность, по Веберу, предполагает не только независимость от содержания, но, главным образом, калькуляцию. Последняя дает возможность переносить проблемы в сферу достижения максимальных возможностей формальной рациональности, то есть то, что, с точки зрения Вебера,

определяется наличием следующих условий: собственность, свободный рынок, отсутствие регулирования, ограничивающую свободу облика, рациональное государство и право.

Достаточно видной в исследовании социальной рациональности стала концепция ограниченной рациональности Саймона [1].

Сам принцип ограниченной рациональности предполагает, что способность человеческого разума определять и решать сложные проблемы несравнимо по уровню, с теми проблемами, решения которых необходимо для объективного рационального поведения.

Человеческое поведение рационально только с точки зрения потенциального стремления поступать рационально. Однако на самом деле, человек обладает подобной способностью в ограниченной степени. Возникает естественный вопрос о существовании практических границ рациональности. Подобная ситуация предполагает конструирование упрощенных моделей рациональной ситуации.

Но при этом, использование подобных моделей предполагает, что для предсказания человеческого поведения нужно учитывать не только саму рациональность, но и рациональность тех механизмов, которые используются для решения выбора, так как интеллект, с точки зрения его способности, следует отнести к ограниченным факторам, то есть, следует использовать более слабую, чем рациональность, предпосылку к сознанию действующего субъекта.

Реконструкция рассуждения Саймона дает вывод, что он фактически осуществил процедуру построения модели рациональной системы и процедуры действия в рамках этой модели, анализируя проблему, того как человек конструирует модель Саймон идет внутрь теории и на ее основе переходит к заключению об ограниченности человеческого интеллекта.

Между тем из предположения, что человек в силу ограниченности своих практических возможностей действует в рамках определенной модели, явно не следует ограниченность возможностей самого теоретического разума.

Даже если предположить, что Саймон не ошибается, то из ограниченности возможностей интеллекта не следует необходимость замены поиска цели поиском решения. Та ограниченность, которая придается Саймоном человеческому разуму, как неотъемлемое свойство, наоборот есть ограниченное сознательно, выбираемое деятельным субъектом, учитывающее индекс времени и имеющее информацию.

С точки зрения Саймона, рациональность деятельностного субъекта ограничена потому, что он не может выполнять роль абсолютного калькулятора. С другой стороны, если ограничители, в рамках которых находится деятельностный субъект весьма слабы, то сразу же возникает спектр положительных решений, а проблема становится проблемой оптимального выбора из спектра этих решений.

Если максимизировать целевую функцию, мы сразу имеем классическое понятие рациональности, если же выбрать сами ограничения таким образом, чтобы решение было единственным, то естественен вопрос о определении тех ограничений, которые не предполагают обращения к социальной реальности. То есть Саймон, фактически, создает иллюзию решения проблемы в рамках своей концепции, перенося саму проблему в область выбора ограничений, что является завершающим этапом концепции.

То есть предпосылка рациональности поведения действующих субъектов является одной из приоритетных, определяющих построение, неклассической теории. С точки зрения самой абстрактной ситуации, неклассическая теория представляет рациональность поведения в достаточно упрощенных условиях, когда, например, действующий субъект работал бы, руководствуясь исключительно собственной выгодой, то есть в общем, с позиции такой теории действительное поведение выступает, в известной степени, как рациональное.

Содержание следующего направления состоит в ослаблении условия и реализации метода максимизации. В самом общем виде сущность данного подхода состоит в уменьшении степени абстрактности представляемых моделей. Одно из преимуществ данного пути заключается в том, что фактически снимаются негативные моменты с предпосылки о рациональности, так как представляемое поведение более адекватно отражает действительность. То есть использование понятия «рациональность» можно истолковать как частичное снятие проблемы относительно об иррациональности действующего субъекта.

Само же ослабление условия полного распределения представляет науке две основных тенденции развития. Прежде всего, речь идет о введении понятия неполного распределения, с другой стороны - речь идет об анализе таких типов поведения человека, которые напрямую не зависят от установленных фактов.

Концепция рациональности, в рамках данного подхода, непосредственно связана с проблемой издержек на получение информации. Собственно, отсутствие информационных издержек создает ситуацию, когда действующие субъекты имеют полную возможность принимать различные решения.

Однако следует обратить внимание на то, что для принятия решений полнота знаний субъектов не является решающим фактором, так как необходимо, чтобы их целевые функции были аналогичными. Но в этом случае, действующие субъекты не будут различаться, что представляет собой попытку представить социальную систему, в которой действуют совершенно разные субъекты с точки зрения некой единой системы.

Но тогда на уровне философского обобщения, множество действующих субъектов можно рассматривать в качестве одного действующего субъекта. Это означает не что иное, как возвращение концепции классической рациональности.

В самом общем виде смысл концепции, которая выступает против теории классической рациональности, связан с сомнениями относительно возможности уменьшения уровня абстрактности используемых моделей. Позитивные и отрицательные доводы приводятся в самом широком спектре. Однако одно не будет

вызывать сомнения, а именно: некоторые формы поведения как отдельных индивидов, так и социальных, будут представляться нерациональными.

Поэтому следующий подход - неклассическая рациональность - как раз предполагает перенесение проблемы в иную плоскость, а именно выдвижение рациональности через субъективацию таких категорий, как, например, вероятность, то есть речь идет о соотношении субъективного и объективного элемента в рамках неклассической рациональности. Если говорить более точно, то на первый план выходит субъективация объективных категорий. Сущность данной гипотезы состоит в том, что при существовании определенности, действующие субъекты определяют спектр своих ожиданий, принимая субъективную вероятность возможного развития событий. Даже несмотря на то, что у них нет никаких сведений не только о существовании таких вероятностей, но и даже об их сущности.

Каждая гипотеза должна быть подтверждена или опровергнута. Как подтверждение указанной гипотезы, будут реальны исследования, которые фактически и покажут, что люди часто отдают приоритет вероятности нечастых событий и явно недооценивают вероятность частых событий. При этом следует отметить, что сама гипотеза субъективных вероятностей имеет сильную теоретическую оппозицию со стороны специалистов в области теоретико-игровой семантики. При этом, мы хотим обратить внимание на Я. Хинтикку. В сущности, критические замечания сводятся к тому, что человек, который принимает решение, всегда проводит не только их оценку, но и переоценку. Подобная процедура может не корректировать субъективную вероятность направлений ее соответствий субъективным данным.

Если же подойти в концентрированном виде к сущности данного подхода, то можно обнаружить серьезную проблему, которая будет связана с тем, какой можно определить предел в сфере субъективации используемых категорий.

Представляется, что более удачной будет гипотеза рациональных ожиданий. Смысл данной гипотезы заключается в том, что она более широко ставит проблемы иррационального поведения действующего субъекта. Обычно рациональные ожидания можно назвать адаптированными, если сделанный прогноз целиком зависит от некоторого прошлого прогноза. Причем, если ожидания будут совпадать с реальностью, то в новом прогнозе будет осуществлена постоянная корректировка ожидаемого результата.

Естественно, что придельным случаем адаптивности в условиях, когда бесконечно велика скорость самой корректировки ожиданий и будет сама рациональность. В условиях рационального ожидания действующие субъекты обычно запрограммированы на ошибки в прогнозе. Однако подобная ситуация имеет не субъективный, а объективный характер, так как несовпадения с реальностью возникают в силу неопределенности, которая воспроизводится в самом социуме.

Рассмотренные выше подходы к неклассической рациональности реально получают свое подтверждение в существовании различных направлений в рамках неклассической теории вообще. Однако говорить, что в современной неклассической науке имеет место какая-либо интегрирующая концепция, видимо, пока рано. Во многом это объясняется самим внутренним противоречием этой теории. Дело в том, что на протяжении достаточно долгого времени подобная теория находилась в непосредственной связи с методологическими проблемами науки. При этом подразумевалось, что методологией подобных исследований является философия. Однако реальные исследования в рамках постклассической теории вели в основном к общекультурному анализу событий, процессов и явлений. То есть до уровня философского осмысления реальности, и даже до конкретного концептуального аппарата применяемой теории, дело доходило в очень немногочисленных работах.

После того, как, например, экономическая теория, претерпела трансформацию в политэкономии, философские методы и обще- категориальный аппарат философии отошли на второй план. Естественно, что при такой ситуации фундаментальные исследования в области социологических или экономических теорий стали характеризоваться недостаточностью с точки зрения адекватного методологического основания.

Исследуемая неклассическая рациональность стала получать весьма различные толкования. Причем, проблема заключается в том, что рациональность стала рассматриваться как нечто обособленное на самых разных уровнях, стала происходить своеобразная путаница между пониманием рациональности как собственного феномена сознания человека и между тем, как этот феномен проявляется при его применении вне рамок человеческого сознания. Сама проблема не является достаточно оригинальной, однако различные исследования показывают, что в них возникло несколько вольное отношение к категориям с одной стороны, и с применением этих категорий к действительным реалиям и процессам - с другой стороны.

Сейчас же приходится констатировать, что некоторые эмпирические исследования используют термин «рациональный» в самом широком смысле. Существуют, например, направления, в рамках которых проблема рациональности фактически решается одинаково как для, например, правового субъекта, так и для правовой системы в целом.

В некоторых случаях, рациональность действующего субъекта становится в прямую зависимость от рациональности действующей системы, то есть заранее принимается предпосылка рациональности конкретного устройства системы.

На наш взгляд, проблема может быть перенесена в плоскость выделения рациональности социумов, выделение рациональности системы и собственно рационального отношения, которое естественно будет связывать рациональность действующего субъекта с рациональной системой.

При этом, на наш взгляд, придание исключительной рациональности, например, только экономической системе, не только нарушает классическое понимание субъектно-объективных отношений в рамках теории

познания, но приведет к ситуации, когда совершенно бессмысленными станут исследования по отношению к рациональности действующего субъекта.

Из подобного понимания сущности рациональности следует, что необходимо в исследованиях сочетать рациональность поведения действующего субъекта с определенными границами действительных отношений, которые определяются наличием самой рациональности. Подобная ситуация, по сути дела, отражает механизм реального контакта действующего субъекта с существующей реальностью. Однако это неизбежно, так как человеческое мышление, по своей сути, не только строит модели поведения в реальном мире, но и в нем заложена тенденция построения альтернативных вариантов будущего. При этом нельзя не заметить, что степень овладения принципами рационального поведения непосредственно будет зависеть от включенности каждого конкретного субъекта в систему отношений.

#### *Список литературы*

1. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 27.

УДК 343.2

*Дмитрий Владимирович Васяев*  
*Самарский государственный университет*

### К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ МОТИВА И ЦЕЛИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)<sup>©</sup>

После принятия УК РФ 1996 года многие научные исследователи указывают на недостатки законодательных предписаний о вине [1, с. 9-13; 4, с. 41-43; 5]. Один из аргументов критиков - что положения УК РФ о вине не вполне восприняты в правоприменительной практике, есть конфликт между психологическим и формальным подходом к определению соотношения вины, мотива и цели преступления. Так, В. В. Лунеев пишет: «Мотив и цель прямо «не входят» в вину лишь по воле законодателя, который, упрощая и формализуя ее в прагматических целях (мотивы и цели - трудно доказуемые обстоятельства), обрисовывает ее формы вне психологического ядра поведения (мотива и цели), хотя оно и входит в вину по своей сути. Косвенно мотивы и цели преступления представлены в вине в виде нормативных положений: лицо желало или не желало наступления общественно опасных последствий» [3, с. 8].

В рамках психологического подхода высказываются весьма радикальные предложения по изменению законодательной конструкции вины. Например, И. А. Петин отмечает, что, несмотря на то, что признаками вины является предвидение общественно опасных последствий своей деятельности, а также желание или допущение их как признаков вины, тем не менее, сама цель не включается в признаки вины. Автор считает, что для логического завершения законодательной конструкции вины требуется признать мотив и цель обязательными признаками вины [5]. Однако такие изменения, хотя и представляются обоснованными и необходимыми, не могут быть произведены немедленно.

На наш взгляд, первоначально следует откорректировать практику применения действующего законодательства, т.к. и в существующем виде она непоследовательна. С одной стороны, Верховный Суд РФ признает необходимость определения вины (умысла) через такие признаки как мотив и цель, с другой, суды общей юрисдикции не мотивируют доказанность умысла ссылками на мотив и цель. Вместе с тем, Верховный Суд РФ допускает возможность установления мотива преступления путем определения цели преступления. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъясняется: «По п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство из корыстных побуждений) следует квалифицировать убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)». В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под корыстными побуждениями понимается направленность умысла на получение материальной выгоды (денег, имущества или прав на их получение и т.п.) для себя или других лиц либо избавление от материальных затрат (например, возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств).

Как представляется, корысть предполагает желание получения материальных выгод и основывается на потребности в материальном благополучии. При квалификации установление мотива преступления должно подкрепляться ссылками не только на другие субъективные признаки субъективной стороны, но, прежде всего, на объективные обстоятельства преступления.